

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.221.31

М.С. Пелевин

**СЕМЬЯ ШЕЙХОВ ЦАМКАНЙ
И АФГАНСКАЯ КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА В XVIII в.**

Со времени своего возникновения в XVI в. литература и книжность на афганском языке (пашто) в течение нескольких веков развивались главным образом в двух высших социальных слоях афганского племенного общества — духовном и военно-административном. Первый составляли мусульманские богословы, проповедники, учителя, священнослужители традиционалистского, преимущественно суннитского, *ханафийтского* толка, а также духовные наставники мистической суфийской ориентации. Ко второму относилась родовая знать в лице племенных вождей и ханов. Понятно, что именно в этих слоях имели распространение грамотность и образованность, создававшие необходимую почву для культивирования письменной словесности на национальном (ранее бесписьменном) языке пашто.

Внутри названных слоев, как показывают письменные источники, существовали отдельные очаги творческой активности и книжной культуры. Обычно они складывались вокруг конкретных семей и родов, образуя таким образом литературные центры, соотнесенные с определенными географическими точками, родоплеменной принадлежностью авторов и их идеологией. В первый период истории литературы пашто (до конца XVII в.) особенно заметно выделялись три литературных круга: *рошанитский*, образовавшийся вокруг семьи руководителей религиозно-мистической общины *рошанитов* на афганских территориях в Могольской Индии (к востоку от Агры на правом берегу Ганга в районе городка Рашидабад), традиционалистский богословский, возглавлявшийся семьей видного суннитского богослова Ахунда Дарвезы (ум. 1618(19) или 1638(39)) и располагавшийся в долине Свѣт к северу от Пешавара, и *хатакский*, объединявший членов княжеского рода племени хатак, резиденцией которых был городок Сарай-Анора к востоку от Пешавара.

В целом подобное положение сопоставимо с условиями развития классической персидской литературы, оказавшей формирующее влияние на афганскую. Однако в истории литературы фарси значительную роль играли центры, создававшиеся при дво-

рах правителей крупных административно-политических образований (*саманидский* бухарский, газнийский, *салджукский*, хорасанский, ширазский, гератский и пр. литературные круги), поэтому здесь имели место такие важные факторы литературного процесса, как меценатство и придворная поэтическая служба, что, естественно, прямо отразилось на художественно-тематических и стилистических особенностях средневековой персидской классики.

У афганцев придворная литература появляется только в середине XVIII в. в связи с образованием в 1747 г. первого афганского государства — монархии, а точнее, племенной конфедерации под руководством династии Дуррāнй. Есть также сведения, что влиятельный литературный круг придворного типа возник на афганских землях еще раньше — в 1725–1738 гг. — при дворе хотакского князя Хусайна, младшего сына известного правителя Мйр Вайса (ум. в 1715 г.), в Кандагаре¹. В любом случае придворные литературные круги афганцев и в организационном отношении, и по характеру художественной продукции заметно отличались от тех, что существовали в соседнем Иране или Могольской Индии в персоязычной культурной среде. Кроме того, как и в прежние времена, главные творческие силы национальной письменности пашто продолжали концентрироваться вокруг семей, относившихся к афганской духовной или военной элите, которая вела традиционный образ жизни, не придерживаясь особых правил придворного распорядка.

В эпоху правления первых Дуррāнйских монархов наиболее значимую роль в поддержке и развитии традиций афганской письменности на территориях исторического Паштунистана сыграла семья нақшбандййских шейхов Цамканй. Руководители суфийского братства *нақшбандййа* способствовали образованию афганского государства и утверждению Ахмад-шāха Садозая в качестве монарха. Большое идейное и политическое влияние нақшбандййских шейхов в Дуррāнйской державе основывалось на прочном духовном авторитете братства, которое благодаря своей бескомпромиссной суннитской идеологии и социальной активности потеснило во времена императора Аурангзеба (правил в 1659–1707 гг.) ранее более популярные в Могольской Индии и среди афганцев братства *чиштиййа* и *қадирййа*. Из представителей *нақшбандййи* в Паштунистане семья шейхов Цамканй, афганцев по происхождению, в силу целенаправленного интереса к национальной письменности взяла на себя выполнение не только религиозно-политической, но и культурно-просветительской миссии.

Глава семьи Мухаммад ‘Умар Цамканй (ум. в 1776 г.) по отцу относился к племени тарклāнй, входящему в группу восточных племен хāшй наряду с йўсуфзаями, мандарями и гугйāнй². Его предки жили в Баджауре в северо-восточном Паштунистане, но сам он родился и вырос в индийском городке Фарйдāбāде. Во времена Шāхджахāна его дед Калā-хāн переехал из Баджаура сначала в Лахор, а затем дальше в северную Индию, где он за какие-то заслуги получил селение Фарйдāбād в *джāгйр* (ленное владение) По словам ‘Убайдаллāха, младшего сына Мухаммада ‘Умара, Калā-хāн покинул родину якобы потому, что «не нравились ему здесь злые дела (*шарр-о шўр*) паштунов» [цит. по: 11. С. 18].

После смерти отца Ибрāхйм-хāна Мухаммад ‘Умар вернулся на историческую родину и поселился с матерью в ее родном селении Цамканй, расположенном примерно в десяти километрах к юго-востоку от Пешавара. Таким образом, по материнской линии Мухаммад ‘Умар состоял в родстве с племенем цамканй, которое вместе с момандами, хāлйлами и дāвудзаями образует племенную группу горйахел, связанную близкими ге-

неологическими узами с группой хашй. По данным житийных сочинений, Мухаммад 'Умар учился у видных богословов и суфийских наставников Лахора, Пешавара и Кабула, получив в результате блестящее религиозное образование и право самому преподавать духовные науки. Примерно в 1693(94) г. он вступил в братство *нақшбандиййа*, а позднее возглавил его пешаварское отделение.

В 1747 г. Мухаммада 'Умара в его резиденции в Цамканй посетил Ахмад-шах Дурранй. Афганский монарх официально признал шейха своим духовным наставником и пожаловал ему ряд крупных земельных владений Пешаварской равнины. Вслед за Ахмад-шахом *мурйдами* Мухаммада 'Умара объявили себя многие верховные чины дурранйской державы. Свой высокий духовный статус Мийа Сәхиб, как прозвали Мухаммада 'Умара его ученики и последователи, сохранял до конца жизни. Его могила в Цамканй, сразу ставшая святым *мазәром*, и поныне является у афганцев местом всеобщего поклонения, куда люди приходят молиться и просить об исполнении своих желаний.

Мийа Сәхиб оставил после себя сочинения на арабском, персидском и афганском языках. На арабском, например, известна его вариация классической касыды ал-Фарганй «*Бад' ал-амәли*», к оригиналу которой им же составлен пространный персидский комментарий «*Шарх-и қасйда-йи амәли*» (1745) (ранее это произведение было пересказано на пашто Ахундом Дарвезой), а также религиозно-философский трактат «*Шамс ал-хадй*» («Светоч путеводителя») (1769(70)). Из персоязычных работ наиболее важным является его агиографическое и этико-дидактическое произведение «*Хазйнат ал-асрәр*» («Кладовая тайн»), где в традиционном русле житийных сочинений излагаются биографические сведения и воззрения нескольких авторитетных нақшбандййских шейхов Пенджаба и Северной Индии. Прозаический текст этого произведения украшен многочисленными стихотворными вставками.

На афганском языке кроме стандартной суфийской лирики и эпистолярных религиозно-философских трактатов-посланий *мактубәт*, типичных для нақшбандййской традиции, перу Мийа Сәхиба принадлежат религиозно-дидактические поэмы «*Шамә'ил-и набавй*», шаблонное описание достоинств исламского пророка, и «*Тавдйх ал-ма'әни*» («Объяснение смыслов»), сокращенный стихотворный перевод арабского трактата по *фикху* «*Хуләса*» ал-Кайдәни, ранее тоже пересказанного на пашто Дарвезой. В предисловии к «*Тавдйху*» автор поместил рассказ о своей родословной с перечнем имен нақшбандййских шейхов в качестве указания цепи духовного преемства. Иногда этот текст, тоже стихотворный, считается отдельным произведением Мийа Сәхиба и упоминается под названием «*Дә паштано насаб-нәма*» («Генеалогия паштунов»). Правда, не исключен и другой вариант: у Мухаммада 'Умара действительно могло быть самостоятельное, ныне утраченное сочинение «*Дә паштано насаб-нәма*», фрагмент которого сохранился в виде предисловия к «*Тавдйху*».

Из членов семьи Мухаммада 'Умара наиболее существенный вклад в сохранение афганского письменного наследия и популяризацию афганской книжности внес его старший сын, известный под именем Мухаммадй Сәхиб-зада (ум. в 1805(06) г.). Как и отец, Мухаммадй имел прекрасное для своего времени образование, занимался духовным наставничеством и плодотворно трудился на литературной ниве, однако в истории письменности пашто он заслужил славу прежде всего как выдающийся библиофил, большой ценитель и собиратель рукописных книг на родном афганском языке.

На основании колофонов афганских рукописей второй половины XVIII — начала

XIX в. можно сказать, что в этот период Мухаммадӣ был одним из самых крупных заказчиков и покупателей паштоязычных книг. В многочисленных рукописях, переписанных по его заказу, обязательно встречаются такого рода записи: *ба мавджиб-и фармайиши-и... ҳадрат-и Ҷаҳиб-зада-йи буландиқбāl-и Мийāна Мухаммадӣ* — «по причине указания... высокочтимого господина Ҷаҳиб-зада Мийāна Мухаммадӣ» (сборник произведений 'Алама Апридая 1763(64) г. из Национального музея Дели) или *ба ҳасб-и фармайиши ва иршād-и ҳадрат-и Ҷаҳиб-зада Чамканӣ Мийāна Мухаммадӣ* — «в соответствии с указанием и велением господина Ҷаҳиб-зада Цамканӣ Мийāна Мухаммадӣ» (диван Ҳабӣбаллāха 1761 г. из того же книгохранилища) [см.: 9. С. 59, 89–90].

Мухаммадӣ Ҷаҳиб-зада тесно общался со многими афганскими литераторами, поэтами, представителями интеллектуальной элиты, в том числе с «последним афганским классиком» Кāзим-хāном Шайдā (ум. в 1780 г.), который в предисловии к своему дивану упоминает о Мухаммадӣ именно как о коллекционере паштунских книг [6. С. 7–8].

Благодаря Мухаммадӣ семья Цамканӣ еще при жизни Мухаммада 'Умара — в 60-х годах XVIII в. — стала подлинным духовным центром пешаварского литературного круга. В 1796(97) г. Мухаммадӣ построил в Цамканӣ возле гробницы отца мечеть с медресе и большой библиотекой. В скриптории при библиотеке работали известные переписчики афганских книг Валӣ Мухаммад Қандахārӣ и Гул-Мухаммад Пешāварӣ, изготовившие большое число рукописей по указанию и под наблюдением их патрона Мухаммадӣ.

В правление Тимӯр-шāха Дуррāнӣ произошло событие, лишившее семью Цамканӣ прежнего политического влияния, но, к счастью, не помешавшее ее культурно-просветительской деятельности. Зимой 1776(77) г. было совершено покушение на жизнь Тимӯра, находившегося в это время в Пешаваре, которое было организовано несколькими крупными афганскими вождями при содействии главного евнуха шахского гарема Йақūt-хāна. Мухаммадӣ Ҷаҳиб-зада оказался в числе подозреваемых в этом заговоре, вследствие чего Тимӯр чуть было не стер с лица земли селение Цамканӣ. Только уважение к памяти похороненного здесь шейха Мухаммада 'Умара не позволило Дуррāнӣскому монарху осуществить свое необдуманное решение.

В списке собственных литературных трудов *миийāна* Мухаммадӣ есть три сочинения на арабском языке — компилятивные богословско-правовые трактаты «*Мақāсид ал-фиқх*» («Цели фиқха») (1782(83)) и «*Бурхāн ал-усӯл*» («Доказательство принципов») (1795(96)), а также поэтическое восхваление исламского пророка «*На'т ан-набӣ*» («Хвала пророку»), большой религиозно-философский *мухаммас* на персидском языке «*Дурӯд-и Мухаммадӣ*» (или «*Салāt-и Мухаммадӣ*») («Молитва Мухаммадӣ»), содержащий в разных версиях от 118 до 175 строф, и афганские стихотворные произведения — диван лирики и религиозная поэма «*Мустағāс*» («Всемогущий») в форме *тарджӣ'банда* (282 строфы).

В афганском диване Мухаммадӣ, уникальный список которого был опубликован в 1985 г. в Пешаваре, насчитывается 359 газелей, шесть *мухаммасов*, один *тарджӣ'банд* и около семидесяти *рубā'ӣ*. Немалое число газелей Мухаммадӣ, как установили афганские филологи, являются ответами-*джавāбами* на стихотворения других крупных паштунских поэтов, таких как Раҳмāн Бāбā, 'Абд ал-Ҳамӣд, Ҳӯшхāl-хāн, 'Абд ал-Қāдир, Пӣр Мухаммад Кāкар. В свою очередь, некоторые стихи Мухаммадӣ послужили основой для творческих вариаций его современников Му'иззаллāха Моманда, 'Алӣ-хāна Мухамандзая и Қанбара 'Алӣ Оракзая.

Младший брат Муҳаммадӣ ‘Убайдаллāх (ум. ок. 1817(18) г.), известный также как Мийā Гул и Аҳмадӣ Сāҳиб-зāда (ум. ок. 1817(18) г.) и пользовавшийся *тахаллусом* «Гарйб» («Скиталец»), долгое время жил и проповедовал на родине предков в Бāджауре. Его литературное наследие тоже включает произведения на трех языках: газели и касыды на персидском, трактат о пятничной молитве «*Ла’иқ ас-сум’а фй тахқик ал-джум’а*» («Достойное слуха в исследовании дня пятницы») (1788(89)) на арабском и несколько оригинальных и переводных трудов на афганском языке.

Интерес ‘Убайдаллāха к духовной и фамильной родословной своей семьи проявился в его афганских поэтических трактатах «*Шаджара-йи тарйқат*» («Древо тарйқата») и «*Шаджара-йи насаб*» («Родословное древо») (1808(09)). Оба написаны в форме *мухаммаса*, а первый имеет еще пространное прозаическое предисловие. Краткие сведения о своем происхождении ‘Убайдаллāх сообщает также во ввводной части к переводной поэме «*Ибрат-нāма*» («Книга назиданий»), затрагивающей религиозно-этическую и мистико-философскую тематику. Восхвалению исламского пророка ‘Убайдаллāх посвятил очередную стихотворную версию «*Шамā’ил-и набавй*» (1811).

Самым крупным по размеру паштоязычным сочинением ‘Убайдаллāха является переводная поэма «*Хафт кишвар*» («Семь стран»), содержащая около семи тысяч строк и иногда называемая по-афгански «*Овэ шпе*» («Семь ночей»). Поэма сохранилась в уникальном списке, начало и конец которого утрачены. Возможно, отчасти по этой причине до сих пор точно не определены конкретные персидские источники поэмы, хотя само ее название имеет явно неслучайное сходство с «*Хафт пайкар*» Низāmй и сборником «*Хафт авранг*» Джāmй. Кроме семи повестей, преследующих не только развлекательные, но и дидактические цели, в поэме ‘Убайдаллāха есть немало лирических и дискурсивных отступлений, в том числе заметки о поэзии пашто и философский диспут Разума и Любви «*Мунāзара-йи ‘Ақл ва ‘Ишқ*».

В близком окружении семьи Цамканй было немало людей, тоже успешно занимавшихся литературным трудом. В первую очередь здесь нужно упомянуть об учениках и последователях Муҳаммада ‘Умара, которым принадлежат стихотворные жизнеописания шейха, так называемые «*Манāқиб*» («Деяния»), — это Мас’уд Гул, Дāдйн, Нӯр Муҳаммад Қурайшй, Муҳаммад Шафйқ Хатак. Каждый из них по-своему примечателен. Дāдйн, например, получил известность больше как лирический поэт, автор касыд и газелей. Возможно, у него был полный диван, но до нас он не дошел. В сочинении Мас’уда Гула есть ценные исторические эпизоды с рассказами о военных походах и сражениях Аҳмад-шāха. Нӯр Муҳаммад, назвавший свою житийную поэму «*Нӯр ал-байāн*» («Свет повествования»), для восхваления шейха Цамканй и его потомков использовал акростиhi — весьма редкую форму в средневековой мусульманской литературе, возникшую явно на основе *алиф-нāма*. Вот как выглядит подобное посвящение Муҳаммаду ‘Умару, чье имя складывается из арабских букв *м, ҳ, м, д, ‘, м, р*:

*Мйм, муҳкам пэ шарй’ат ву / Дэ набй пэ тарйқат ву
Хā, ҳаққгӯй ву вэ хар чā та / Хам бāдшāх та хам гадā та
Мйм, мадār пэ дэ ву ‘āм / Ву жвандай пэ дэ ислām
Дāл, дā’й дай дэ хар чā ву / Дйн пэ дэ бāнде ранā ву
‘Айн, ‘āлим ‘āмил ‘ādил ву / Хам кāмил хам мукаммил ву
Мйм, майэн ву пэ нйкāно / Бйх-вушқункай дэ бадāно
Ра, ранā пэ хпэл замāн / Гāж йе тлāлай пэ джāхāн [цит. по: 11. С. 18]*

«Мйм», был он стоек в шариате, / Следовал пути пророка.
 «Хә», вещал каждому об Истине: / И государю, и нищему.
 «Мйм», был он обычно внимателен [к другим], / Благодаря ему здравствовал ислам.
 «Дәл», был он для всех защитой / Благодаря ему сияла вера.
 «Айн», был он ученым, справедливым деятельным человеком,
 / Был он и сам совершенным, и вел к совершенству других.
 «Мйм», был он ласков с добрыми / И искоренял злых.
 «Ра», был он светом своего времени, / Слава о нем разошлась по миру.

У многих поэтов дуррәнйской эпохи встречаются хвалебные строки в адрес Мухаммада ‘Умара и Мухаммадй Сәхйб-зәда, но в большинстве случаев оценить действительный характер отношений и степень близости этих авторов с кругом семьи Цамканй трудно, если вообще возможно. Например, Бедил Утмәнзай из Хаштнағара считается поэтом, входившим в литературное окружение семьи Цамканй, на том основании, что в одной касыде, анализируя афганскую поэзию, он выше всех среди своих современников и даже выше ‘Абд ал-Хамйд Моманда ставит Мухаммадй Сәхйб-зәда (*Махмадй тәр Хамйд зйәт вйнәм кам на дәй...* «Я считаю Мухаммадй больше Хамйда, не меньше...») [5. С. 29–35]. Лучшим паштунским поэтом всех времен Бедил называет ‘Абд ар-Рахмәна, а о таких мэтрах, как Хушхәл-хән, Мйрзә-хән Ансәрй, Ашраф-хән Хиджрй, отзывается невысоко: «В их стихах найдется хороших лишь по полслова, а все остальное, сочиненное ими, — пустословие». По словам Бедила, количество пишущих стихи на пашто в его время не поддается измерению. В одной своей деревне Утмәнзай он насчитал не менее сорока двух поэтов.

Другим *мурйдом* ‘Умара Цамканй, писавшем стихи на пашто, был Мухаммад Байәд Гадүн, который большую часть жизни провел в Индии, видимо, где-то в Декане. Этот поэт считал себя последователем ‘Абд ал-Хамйда Моманда. В его диване исследователи находят много ответов на стихи ‘Абд ал-Хамйда, среди которых, как и у Бедила Утмәнзая, есть интерпретация популярнейшего *таркйббанда* «Нән бә шпа зәмә дә йәр нә кум макән вй...» («Где сегодня ночью остановится мой друг?») [10. С. 222].

Прекрасное представление о меценатской роли семьи Цамканй и об интенсивности литературной жизни Пешавара и всего северо-восточного Паштунистана в период правления первых Дуррәнйских шахов дает поэтическая антология «*Маджма’ алашйәр*», уникальная рукопись которой хранится в Государственной библиотеке Берлина (Ms. or. oct. 1262. Vol. 1, 1263. Vol. 2) [2. С. 350–356]. В этой внушительной по размеру антологии (643 листа, сшитых в два тома) содержится около 1220 газелей, 20 касыд, 16 строфических стихотворений (в основном *мухаммасы*) и 70 *рубә’й* на пашто, примерно 476 стихотворений тех же форм на фарси и около десятка макаронических стихов, где чередуются строки на афганском, персидском и арабском языках. Почти все произведения антологии предваряются заглавиями (выделенными в рукописи красными чернилами) с указанием жанровых форм и имен авторов.

Большинство авторов антологии — это малоизвестные или вовсе неизвестные по другим источникам поэты. Многие из них занимались литературным творчеством явно непрофессионально и нерегулярно. Автор одного стихотворения, например, назван не по имени, а как «*вазйр* правителя Қашғара». Имена некоторых поэтов сопровождаются патронимами, среди которых преобладают названия восточных афганских племен — *оракзай* (‘Алй Акбар, Қанбар ‘Алй, Қәсим-хән, Му’иззалләх, Насралләх, Нусрат, Рустам, Фатх ‘Алй), *хатаки* (Кәзим-хән, Қәсим-хән, Мйрбәз-хән, Са’йд), *афрйдиш* (‘Алам,

Шайх Муҳаммад), *халилы* (Дост Муҳаммад-хӑн), *бангаши* (Шамшер), *дӑвӑдзай* (Мулла ‘Абдаллах-хӑн).

В основном авторы «*Маджма’ ал-аш’ар*», включая крупных и хорошо известных литераторов вроде Кӑзим-хӑна Шайдӑ, ‘Али Акбара Оракзая, ‘Алама Апридая, представлены единичными стихотворениями на пашто, но есть и такие, чьи произведения исчисляются многими десятками. Наибольшим количеством афганских стихов представлены Дӑдӑйн (155), ‘Убайд, (117, из них 18 — загадки-*му’амма*), ‘Али-хӑн (79), Акбар Ахӑнд-зӑда (69), Саййид-и Пӑрхел-и Хӑтакӑн (очевидно, кто-то из потомков шейха Рахмкӑра) (65), Файд ал-Хӑаққ (56). Среди авторов персидских стихов чаще встречаются имена Шайха Ахмада (164), ‘Ишрата (110) и Қӑсима Джаханӑбадӑи (82).

Многие стихотворения в «*Маджма’ ал-аш’ар*» являются почтительными обращениями (*ард*) к *миийӑну* Муҳаммадӑи Қӑхиб-зӑда, одиннадцать газелей которого тоже включены в антологию. На этом основании можно с большой долей уверенности полагать, что антология была сделана именно для него либо по его собственному заказу, либо в качестве подношения. Имена ряда поэтов тоже говорят в пользу предположения о том, что антология появилась в литературной среде, связанной с семьей Цамканӑи.

Собранные в «*Маджма’ ал-аш’ар*» стихотворения полностью соответствуют нормам классического традиционализма и по содержанию относятся к религиозно-философской, любовно-мистической и этико-назидательной лирике. При этом идейная направленность стихов нередко несет отпечаток подчеркнуто строгой религиозности в духе суннитской нақшбандӑйской идеологии. Некоторые стихи написаны с использованием тех или иных технических и чисто графических приемов (например, чередование в строках букв с точками и без точек или употребление только слов с буквами без точек). Немалое число стихотворений являются ответами-*джавӑбами* на произведения афганских и персидских классиков.

Благодаря пояснительным заглавиям к стихотворениям антология дает нам довольно яркий срез литературной жизни Паштунистана в дуррӑнӑйскую эпоху. Об активном творческом общении афганских поэтов свидетельствуют их *джавӑбы* и поэтические эпистолы, адресованные друг другу: «Ответ Спӑйн Орая на газель Наджӑйба», «Дӑдӑйн говорит в восхваление Сарфарӑз-хӑна», «Ахмад Ахӑнд-зӑда сказал в извинение» и т. п. Самое длинное заглавие имеет такой вид: «Сие есть послание Ахӑнд-зӑда Қӑхибу Гулӑму, который передал его Акбар-шӑху с просьбой [объяснить] смысл, а тот дал ему сложное толкование; это сложное толкование таково...».

Рукопись «*Маджма’ ал-аш’ар*» не имеет колофона и каких-либо пометок, позволяющих определить примерную дату составления и переписки этого поэтического сборника. Стоящая на л. 1а печать могольского императора Муҳаммад-шӑха (правил в 1719–1748 гг.) с указанием года — 1138 г. х. (1725(26)), — свидетельствует не о времени создания рукописи (в рукописных книгах могольской эпохи нередко встречаются оттиски печатей с датами, более ранними, чем сами эти книги), а лишь о том, что когда-то она побывала в имперской библиотеке Великих Моголов. Лучшим временным ориентиром является приписка с датой — 1176 г. х. (1762(63)), — сделанная на полях л. 228а возле газели некоего Йакдила, где говорится о возведении мечети в честь Муҳаммадӑи Қӑхиб-зӑда. Имеющиеся сведения о некоторых авторах «*Маджма’ ал-аш’ар*» позволяют говорить о еще более позднем времени создания антологии.

Примечания

¹ Эти сведения содержатся в одиозной поэтической антологии «Скрытое сокровище» («*Pāta hazāna*»), предположительно датируемой 1729 г. (рукопись 1885(86) г.). Сама антология по-прежнему вызывает филологические дискуссии относительно ее подлинности. Среди ученых, критически относящихся к тексту этого источника, в настоящее время существует не менее трех точек зрения по поводу времени, цели и степени его фабрикации (см. [1, 4]).

² Основные библиографические сведения о семье шейхов Цамканй и ее окружении перечпнуты мной из статьи З. Хевāдмала [11].

Литература

1. Mackenzie D. N. The development of the Pashto script // Languages and scripts of Central Asia / Ed. by Sh. Akiner and N. Sims-Williams. London, 1997. P. 137–143.

2. Pelevin M. S. Pashto (Afghan) manuscripts from the State Library of Berlin // Петербургское востоковедение. Вып. 6. СПб., 1994. С. 338–357.

3. Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана. Т. 2: Афганистан в новое время. М., 1965. 552 с.

4. Пелевин М. С. Сведения источников о времени возникновения афганской письменности // Востоковедение и африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России и Европы: Актуальные проблемы и перспективы. Международная научная конференция. 4–6 апреля 2006 г. Доклады и материалы. СПб., 2008. С. 128–137.

5. Бахтāнай ‘А. Паштāнэ шу‘арā (Паштунские поэты). Т. IV. Кабул, 1357/1978. 420 с.

6. Кāзим-хāн Шайдā. Дйвāн / Сост. и предисл.: ‘А. Бенавā. Кабул, 1331/1952. 222 с.

7. Мухаммадй Сāхйб-зāда. Дйвāн / Сост. и предисл.: Қ. Моманд. Пешавар, 1985. 325 с.

8. Рашād ‘А. Дэ Цамкано Мийā ‘Умар (Мийā ‘Умар из рода Цамканй). Кабул, 1360/1981. 87 с.

9. Хевāдмал З. Дэ Хинд дэ китāбхāно пашто хāтй нусхе (Рукописи пашто в библиотеках Индии). Кабул, 1363/1984. 308 с.

10. Хевāдмал З. Дэ пашто адабийāто тāрйх: ларгūне ав мэндзанй давре (История литературы пашто: древний и средний периоды). Пешавар, 1379/2000. 278 с.

11. Хевāдмал З. Дэ стэр рўхāнй ав фархангй шахсийат Мухаммадй Сāхйб-зāда дэ двасвийэм талйн пэ мунāсйбат ‘илмй гвāнда (Научный семинар, посвященный двухсотлетней годовщине крупного деятеля религии и культуры Мухаммадй Сāхйб-зāда) // Лемэ (журнал «Глаза»). № 13–14. М., 2000. С. 17–24.